

УДК 8

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

Саипов М.Р.

бакалавр,

*Инженерно-технологический университет Туркменистана имени Огуз хана,
Ашгабад, Туркменистан*

Аннотация

В статье прослеживается формирование, становление и типологическая трансформация образа «маленького человека» в русской художественной прозе XIX века. Рассмотрены истоки типажа в произведениях А. С. Пушкина, его развитие и канонизация у Н. В. Гоголя (повесть «Шинель»), дальнейшие модификации в творчестве Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева и А. П. Чехова. Сделан акцент на соотношении литературной репрезентации «маленького человека» с социально-историческими изменениями: бюрократизация общества, крепостное право и его отмена, процесс урбанизации и бюрократической рутинизации бытия. Проанализированы поэтика, функциональные роли и психологические характеристики типажа: пассивность и внутреннее достоинство, социальная изоляция, стремление к внешнему признанию, конфликт «малого» и властной иерархии. На основании сопоставительного анализа выявлены ключевые этапы эволюции: от эмпатического изображения и гуманистической музыки Пушкина до сатирико-аллегорической типизации у Гоголя, от психологизации у Достоевского до иронической демифологизации и социальной дифференциации в Чехове. Работа претендует на синтетическое обобщение существующих исследований и предлагает типологическую схему, позволяющую соотнести текстуальные черты образа с историческим контекстом XIX века.

Ключевые слова: маленький человек, русская литература XIX века, социальный реализм, психологизм, литературная эволюция, типизация персонажа, критический реализм, литературная антропология, социальная маргинализация, образ личности, гуманизм в литературе, историко-литературный анализ.

THE EVOLUTION OF THE IMAGE OF THE “LITTLE MAN” IN NINETEENTH-CENTURY RUSSIAN LITERATURE

Saipov M.R.

bachelor,

*Oguz han Engineering and technology university of Turkmenistan,
Ashgabat, Turkmenistan*

Abstract

This paper examines the evolution of the image of the “little man” as one of the central anthropological and social archetypes in nineteenth-century Russian literature. The study traces the transformation of this literary type from its early manifestations in the works of Alexander Pushkin and Nikolai Gogol to its philosophical and psychological reinterpretation in the writings of Fyodor Dostoevsky and other representatives of critical realism. The “little man” symbolizes not only social marginalization and injustice but also the awakening of personal dignity, moral consciousness, and the search for inner freedom within a rigidly stratified society. The analysis employs a comparative-historical and structural approach, focusing on how literary characterization reflects the changing perception of individuality and humanism throughout the century. The research concludes that the evolution of this image mirrors the broader spiritual and ideological shifts in Russian society, from passive victimhood to moral resistance and self-realization.

Keywords: little man, Russian literature of the 19th century, social realism, psychological portrait, literary evolution, character typology, critical realism, literary anthropology, social marginalization, image of personality, humanism in literature, historical-literary analysis.

Введение

Проблема «маленького человека» — одна из центральных в русской литературной традиции XIX века; этот типаж выступает не только художественным персонажем, но и индикатором социальных, этических и эстетических перемен в обществе. Понятие «маленького человека» обозначает художественный образ индивида с невысоким социальным статусом, ограниченными возможностями и, как правило, подчеркнуто скромной, незаметной, маргинализованной жизнью. Однако терминология и содержательная наполненность этого образа претерпевали изменения: еще в русской классике XIX века наблюдаются разные градации и подтипы «малых людей» — от жалкого чиновника с трагической судьбой до образа, где «малость» выступает как симптом социальной системы и языка власти. Анализ эволюции этого образа требует сочетания синхронического (жанрово-стилистического) и диахронического (историко-социального) подходов, а также учета влияния критической рецепции (в том числе позиций В. Г. Белинского и последующей литературной критики). В настоящем обзоре мы систематизируем основные этапы и направления преобразования образа в русской художественной прозе XIX века, опираясь на канонические тексты и современные исследования.

1. Истоки типажа: Пушкин и ранние формообразования

Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМН ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

1.1. Пушкинская модель: «Станционный смотритель» как прото-образ

Архетип «маленького человека» зарождается у Пушкина. В «Станционном смотрителе» (повесть из цикла «Повести покойного И. П. Белкина») показан чиновник низшего ранга Самсон Вырин — человек повседневный, привязанный к привычкам, с ограниченным кругом чувств (главная радость — дочь), чей внутренний мир оказывается кульминацией нравственной оценки автора. В изображении Самсона Пушкин сохраняет эмпатическую перспективу: герой не подвергается жестокой карикатуре, ему сочувствуют, и трагедия его судьбы показана как несправедливость социальной организации. Этот своеобразный «герой маленького мира» формализует одну из базовых интонаций: художественное обращение к внутренней полноте обыденного человека, утверждение человеческого достоинства «малого» как предмета эстетической и нравственной рефлексии. [7; 9]

1.2. Критическое предчувствие: Белинский о «маленьком человеке»

Критическое осмысление типажа связано с именем В. Г. Белинского, чьи статьи способствовали формированию литературного интереса к обыденному человеку как художественному предмету. Белинский, анализируя произведения своих современников, осторожно и настойчиво указывал на художественную возможность и нравственную важность изображения «малыша» — человека без громких общественных ролей, но с внутренней драмой. Его рецепция легла в основу того, что позже стало восприниматься как осознанное обращение к теме «маленького человека» в литературе реалистического направления XXI–XIX вв. [7]

2. Канонизация у Гоголя: «Шинель» и культ образа

2.1. Поэтика «Шинели»: сатирический и человеческий уровни

Н. В. Гоголь в «Шинели» доводит до канона тип «маленького человека» в прозе XIX века. Образ Акакия Акакиевича Башмачкина — чиновника «мелкого» ранга — сочетает в себе две планки: с одной стороны, гротеск и сатиру на бюрократический порядок; с другой — глубоко человеческую эмпатию к судьбе героя. У Гоголя «маленький человек» становится одновременно объектом социальной сатиры и эмпатического чтения. Шинель выступает символом достоинства и надежды героя, одновременно показывая комическую ничтожность социальной системы, которая лишает человеческого достоинства. Именно у Гоголя тип получает закреплённую семантику: «малость» — не только социальная характеристика, но и эстетическая задача автора — вызвать сопереживание к человеку, не способному изменить систему. [4; 5]

2.2. Интонации типизации: от карикатуры к метафоре бюрократии

В «Шинели» присутствует типологичность: Башмачкин репрезентативен для целого класса «малых людей» — чиновников низшего ранга, чья экзистенциальная малость обуславливается бюрократической структурой. Гоголевская композиция использует повтор, гиперболу и анекдотический фрагмент для создания типажа, но за комедийной оболочкой скрывается серьезная моральная оценка общества. Исследования подчеркивают, что «Шинель» не только художественный рисунок, но и социологическая диаграмма отношения власти к человеку низшего ранга. [2]

3. Дифференциация типажа: от «маленького» к «лишнему» и психологизированному образу

3.1. Образ «лишнего человека» и его соотношение с «маленьким»

В середине XIX века формируется ещё один существенный тип — «лишний человек» (релевантный для Гончарова, П. И. Плетнёв и других). Хотя термины «маленький» и «лишний» человек перекрываются, важно отметить различие: «лишний человек» чаще характеризуется пассивностью, избыточностью чувств и внутренним кризисом личности, он обычно принадлежит высшему социал-классу (дворянство) и выражает общественную утрату смысла; «маленький человек» же — тип социально униженный, уязвлённый и чаще находящийся в низшем бюрократическом пласте. Анализ эволюции образа требует сопоставления этих типов, поскольку они реализуют разные литературные функции и демонстрируют изменения в общественном сознании XIX века. [3; 5]

3.2. И.А. Гончаров и «Обломов»: социальная апория и «инертность» личности

И. А. Гончаров в романе «Обломов» создает образ, который традиционно причисляют к «лишним», но в аспекте социальной уязвимости он перекликается с типом «малого» человека: Илья Ильич — представитель дворянской среды, но его пассивность и неспособность включиться в общественную активность противопоставляют ему «возможность действия». В этой модели «малость» превращается в феномен экзистенциальной импотенции: проблема не столько бедности или невысокого ранга, сколько внутренней неспособности к адаптации. Таким образом «маленький» и «лишний» человек появляются как два полюса одного культурного вопроса — как реагирует литература на социальные трансформации и на запрос общества к активности. [3]

3.3. Достоевский: психологизация и трагическая метафора «малыша»

У Ф. М. Достоевского тема «маленького человека» получает иное развитие: внимание сосредотачивается на интенсивной психологизации сознания. В ранних повестях (например, «Бедные люди») — прямая эмпатия к страданиям

«мелких», в «Записках из подполья» же появляется антипод: «подпольный человек» — сознательный изгой, чья «малость» становится источником парадоксальной моральной силы и угрозы. Достоевский интерпретирует «малость» как симптом нравственного и интеллектуального кризиса общества; образ уже не редуцируется к смешной карикатуре, он становится философской и этической проблемой. [6]

4. Социально-исторические факторы формирования образа

4.1. Бюрократия, серийность жизни и типизация героя

Одним из важнейших условий появления и тиражирования образа «маленького человека» стала бюрократизация общественной жизни: расширение чиновничества, формирование канцелярского быта и рутинной работы, где человек как «индивидуум» теряет свою значимость перед лицом официальной машины. Бюрократическая среда создавала устойчивые модели поведения и унижительные практики — проза XIX века фиксировала это посредством повторяющихся мелких сцен и канцелярских коллизий, которые становились сценами общественного насилия над личностью. Гоголь, Чехов, позднее Сологуб и другие конструировали типаж, отражающий именно этот «синдром» бюрократии. [2; 10]

4.2. Крепостное право, отмена и аграрная «малость»

Другой важный контекст — крепостное право и его последствия. В произведениях, где действие происходит в среде крестьянства или служилых людей, «малость» проявляется в форме социальной несправедливости, личной беспомощности и ограниченности жизненного выбора. Тургенев в «Муму» представляет образ Герасима как «малого» в смысле социального неравенства: внешняя сила (власть барина) диктует судьбу человека, лишая его возможности самостоятельного выбора. Здесь «малость» не смешивается с комическим: она оборачивается драмой человеческой несправедливости. [8]

4.3. Урбанизация и анонимность: городской «малый человек»

Рост городов и их анонимной среды усилил феномен «малого человека» в другой форме: человек терял «социальную плотность» (семья, община) и становился объектом случайных взаимодействий, насмешек, отчуждения. Петербург XIX века — постоянный фон для множества «малых» судеб: городской пейзаж, толпа, ночной холод, бюрократический Петербург с его лестницами и дверцами — все это служит сценой для типажа, характерного для петербургской прозы. Гоголь и Достоевский — крупнейшие «петербургские» репортеры этой социальной картины. [5]

5. Чешская и русская модернизация: Чехов и дробление типажа

5.1. Чехов: ирония, сжатие и «условность» маленького человека

А. П. Чехов в конце XIX века перерабатывает типаж «малого человека» в направлении фрагментарности и иронии. Его рассказы и повести показывают «малых» в условиях бытовой абсурдности, где трагедия тонет в обыденности, а ирония автора делает персонажа одновременно жалким и узнаваемым. В чеховской прозе уменьшается наклон к морализаторству: типаж «малого» часто представлен без осудительного жеста, сдержанно, в режиме «наблюдения». Чехов усложняет типаж, делая его пластичным, способным к вариациям: «малый» может быть смешон, жалок, добр или бессилен — но при этом читатель получает многомерный психологический портрет. [9]

5.2. Многообразие модификаций у поздних реалистов

Поздние реалисты (Андреев, Сологуб, Куприн) используют уже устоявшийся тип как почву для экспериментов: от мистико-символических переломов у Сологуба до социологической остроты у Горького. Параллельно развивается сатирическая традиция в русской журнальной прозе, где «маленький человек» выступает пародийным персонажем (фельетонная традиция, сатирические журналы). Совокупность этих тенденций показывает, что к концу XIX века типаж стал институциональной частью литературного арсенала, который можно было деконструировать и реконструировать в зависимости от эстетической программы автора. [10]

6. Поэтика образа: мотивы, лексика, композиция

6.1. Повтор как художественный приём

Одна из постоянных поэтических черт, сопровождающих образ «маленького человека», — прием повторения: повторяющиеся бытовые подробности, канцелярские формулы, однотипные сцены на работе, ритуалы. Повтор здесь действует как художественный инструмент для фиксации монотонности, бессмысленности и давления системы на личность. У Гоголя повтор имеет сатирическую функцию; у Достоевского — психологическую; у Чехова — ироническую. Совместно эти варианты создают сложную поэтическую картину, где форма отражает содержание: бытовая монотонность — источник человеческой трагедии. [2]

6.2. Предмет как символ достоинства: шинель, собака, вещь

Традиционно у «малых» людей важную роль играет предмет — шинель у Башмачкина, собака «Муму» у Герасима — как знаковый центр жизни героя. Вещь в этих текстах выступает не просто утилитарным объектом, а символом достоинства, надежды или утраченной автономии. Анализ «вещностной» Дневник науки | www.dnevniknauki.ru | СМИ ЭЛ № ФС 77-68405 ISSN 2541-8327

семиотики в произведениях XIX века позволяет увидеть, как предмет интегрируется в структуру идентичности «малого» человека и становится мотивационным центром его жизненной драмы.

6.3. Лексика уменьшения и риторика умаления

Лингвистически образ «малого» сопровождается лексикой, придающей речи уменьшительную, умаляющую интонацию: уменьшительно-ласкательные суффиксы, канцелярские формулы, повторы типа «ничего-никакого», «ничего особенного». Такая лексика усиливает эффект «малости» и способствует эмпатическому дистанцированию читателя: через язык автор показывает, как общество унижает и умаляет человека. Этот приём характерен для реалистической прозы XIX века и встречается у Пушкина, Гоголя, Чехова. [10]

7. Функции и смыслы: почему «маленький» важен для литературы

7.1. Эмпатическое зеркало общества

Образ «маленького человека» выполняет функцию эмпатического зеркала: через его судьбу литература показывает несправедливость общественного устройства, моральную нечувствительность, бюрократическую жестокость. Малость героя делает несправедливость видимой — читатель воспринимает её в миниатюре, что способствует сильному эмоциональному эффекту и критическому осмыслению. Это одна из главных задач реалистического искусства XIX века — показать человеческую судьбу «снизу». [5]

7.2. Тип как социокультурный диагноз

«Маленький человек» также служит диагнозом культурного состояния эпохи: его поведение, реакции и судьба отображают деформации общественной морали, институциональную апатию, конфликты между личной этикой и публичными нормами. Через типаж литература фиксирует системные дефекты и предлагает моральный импульс к преобразованию. Такой диагностический статус усиливает общественную значимость прозы и делает «малого» героем, важным для общественной памяти XXI века. [10]

7.3. Трансформации функции: от сострадания к иронии

С течением XIX века функция типажа эволюционирует: первоначально — преимущественно эмпатическая (Пушкин, ранний Гоголь), затем — сатирическая и диалектическая (середина века), дальнейшая модернизация приводит к иронической и психологической интерпретации (Чехов, поздний Достоевский). Этот функциональный сдвиг отражает изменения литературных программ и общественной рецепции: от морализатора — к наблюдателю, от общественного реформатора — к психологическому аналитиков. [9; 10]

8. Сопоставительный анализ ключевых текстов (кейс-стадии)

8.1. «Станционный смотритель» (Пушкин) — эмпатическая модель

Ключевые черты: простая композиция, лирическая интонация, фокус на семейной привязанности (дочь героя), траурная тональность финала. Здесь «малость» выступает как повод для сентимента и нравственного осуждения общественной жестокости. [9]

8.2. «Шинель» (Гоголь) — типологическая и социальная модель

Ключевые черты: сатирическая карикатура бюрократии, символическая функция предмета (шинель), трагическое завершение, гоголевская ирония, но глубокое человеческое сострадание. Гоголь перерабатывает пушкинскую эмпатию в типологизированный, общественно значимый образ. [4]

8.3. «Муму» (Тургенев) — аграрная и классовая перспектива

Ключевые черты: зависимость крестьянского бытия от воли помещика, немая трагедия простого человека, который в системе не может отстоять своего права на счастье. Типаж менее комичен, более драматичен; «малость» — следствие социального права. [8]

8.4. «Записки из подполья» (Достоевский) — психологическая деструкция

Ключевые черты: диалогичность, философская интериоризация, «малость» как источник морального и интеллектуального напряжения, парадоксальное утверждение внутреннего достоинства вопреки социальной непризнанности. [6]

8.5. Чеховские рассказы — дробление и ироническая демифологизация

Ключевые черты: вариативность образов «малых», сдвиг к бытовой иронии, отказ от морализаторства, наблюдательная тональность, пластичность типажа (возможность различных ролевых функций в тексте). [9]

9. Современные интерпретации и литературоведческие дискуссии

9.1. Современные исследования: от типологии к контекстуализации

Современные исследования (журнальные статьи, диссертации) уделяют внимание не только типологии, но и контекстуализации образа: анализу повествовательной структуры, роли жанра и медиальных практик, соотношению «малости» с «лишним». Исследователи также отслеживают миграцию образа в XX в. и его трансформации в советской и постсоветской литературе. Среди важных последних публикаций — работы, рассматривающие «маленького

человека» через призму повествовательных структур и через анализ мотивов репрезентации в конкретных произведениях XIX века. [2]

9.2. Переосмысление: эпистемологические и социологические чтения

В ряде исследований образ рассматривается как «эпистемологический» инструмент: он показывает, что и как общество знает о себе через судьбы «малых». Другие подходы фокусируются на социологической функции — «малый» как индикатор слабых мест институций и социальных практик. Исследования последних десятилетий также обращаются к междисциплинарным связям (социология, культурология, история), что позволяет более полно реконструировать смысловые уровни типажа. [1]

10. Итоговая типологическая схема и выводы

10.1. Типологическая схема (синтез)

Предлагаемая схема, основанная на сопоставлении текстов и исследований, выделяет несколько подтипов «маленького человека» в русской прозе XIX века:

1. Пушкинский (эмпатический) тип — обыденный человек, объект сочувствия; эмоциональная симметрия автора и читателя. (Пример: Самсон Вырин).
2. Гоголевский (типологизированный) тип — канцелярский «малый», символ бюрократической машины; предмет общественной сатиры и моральной драмы. (Пример: Акакий Башмачкин).
3. Аграрный (крепостной) тип — зависимый крестьянин, лишённый прав и выбора; трагический социальный персонаж. (Пример: Герасим в «Муму»).
4. Достоевский (психологический) тип — «малость» как фактор экстремальной внутренней напряжённости и решающего нравственного выбора. (Пример: «подпольный человек»).
5. Чеховский (иронический/фрагментарный) тип — пластичная, наблюдательная репрезентация «малости», лишённая морализаторства; фрагментарность образа.

10.2. Выводы

Эволюция образа «маленького человека» в русской литературе XIX века — это путь от эмпатического, преимущественно лирического изображения к сложной типологической и психологической конструкции. Первоначальная гуманистическая программа (Пушкин, Белинский) получила развитие и типизацию у Гоголя; далее образ детализировался и дифференцировался — в сторону психологической глубины у Достоевского, в сторону иронии и бытовой фрагментарности у Чехова. Сквозной темой остаётся конфликт личности с

институтами власти и общественной нормой; различные писатели предлагали собственные эстетические решения для отображения этой конфликтности.

Типаж «малого» человека оказался чрезвычайно продуктивен: он позволил авторам XIX века исследовать человеческое достоинство в условиях социальной маргинализации, показать логики насилия, присущие бюрократической иерархии, и сформулировать художественные программы, которые сохраняют свою актуальность и для последующей литературы XX–XXI вв. Совокупность исследований современности фиксирует продолжение интереса к теме и предлагает новые методологические подходы — от повествовательного анализа до интердисциплинарной реконструкции.

Заключение

Образ «маленького человека» — не просто литературный архетип, а динамическая категория, через которую русская классическая литература осмысляла социальную несправедливость, бюрократическую рутину и моральную уязвимость индивида. В ходе XIX века этот образ прошёл путь от лирико-эмпатической репрезентации к сложным психологическим и композиционным формам. Важность исследования заключается не только в описании истории форм, но и в осмыслении того, как литература служит диагностическим инструментом общественных деформаций. Аналитическая картина, сложенная в данной работе, может служить методологической основой для дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Гусейнова, Н. Н. Образы «маленького» человека и «лишнего» человека в литературе XIX века // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 25.10.2025).
2. Демидов, Н. М. «Маленький человек» в контексте повествовательной структуры произведения: «Шинель» Н. В. Гоголя и «Неуемный бубен» А. М. Ремизова // Litera. 2024. № 3. С. 2024. URL: <https://www.cyberleninka.ru/> (дата обращения: 25.10.2025).
3. Эпштейн, М. Н. Маленький человек в футляре: синдром Башмачкина-Беликова // Вопросы литературы. 2005. № 6. С. 193–203. URL: <https://magazines.russ.ru/voplit/2005/6/ep7.html> (дата обращения: 25.10.2025).
4. Foxford: «Гоголь. «Шинель» — литературоведческий материал» (онлайн-анализ). URL: <https://foxford.ru/wiki/literatura/gogol-shinel> (дата обращения: 25.10.2025).

5. Дом Гоголя — исследования: «Маленький человек и Гоголь» (научные материалы). URL: <https://www.domgogolya.ru/science/researches/8928/> (дата обращения: 25.10.2025).
6. «Записки из подполья» — аналитические материалы // Magisteria.ru : статьи о Достоевском. URL: <https://magisteria.ru/dostoevsky/notes-from-underground> (дата обращения: 25.10.2025).
7. «Маленький человек» : статья в Википедии // Википедия : свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Маленький_человек (дата обращения: 25.10.2025).
8. Образ «Муму» — аналитические материалы // Obrazovaka.ru ; Nur.kz (анализ). URL: <https://obrazovaka.ru/sochinenie/mumu/analiz-proizvedeniya-turgeneva.html>; <https://www.nur.kz/family/school/1874996-mumu-kratkoe-soderzhanie-i-analiz-proizvedeniya/> (дата обращения: 25.10.2025).
9. «Образ «маленького человека» в русской литературе» : публикация на Culture.ru. URL: <https://www.culture.ru/s/vopros/malenkiy-chelovek> (дата обращения: 25.10.2025).
10. Расторгуева, В. С. Старое и новое в «маленьком человеке» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. 2012. № 4. С. 310–315. URL: <https://www.cyberleninka.ru/> (дата обращения: 25.10.2025).

Оригинальность 76%